

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Р. Э. Бараш

Гражданское общество
как пространство свободы

Электронный ресурс

URL:<http://www.civisbook.ru>

Р. Э. Бараш

Гражданское общество как пространство свободы

Проблематика гражданского общества, хотя и относится к одному из «извечных вопросов» политической философии и прагматики западных государств, традиционно вызывает жаркие дискуссии и споры. Но если в западноевропейском и американском дискуссионном поле все чаще разворачиваются «схоластические» споры — о трактовке категории «гражданского общества» теоретиками социальной и политической теории, эволюции представлений о «Politiké Koinonia» и «Bürgerliche Gesellschaft» [Арато, Коэн 2003], то российский контекст обсуждения проблемы оказывается гораздо более прагматичным и острым. Продолжающиеся прокурорские проверки НКО, неутихающая протестная активность при традиционно низкой популярности движений гражданской самоорганизации в российских городах, неразвитость партийной системы вкупе с ценностным многообразием немногочисленной оппозиции, а также целый ряд других проблемных вопросов развития российского гражданского общества в последние 2-3 года традиционно оказываются в фокусе внимания СМИ и в дискурсе общественных дискуссий.

Однако любые рассуждения о развитии гражданского общества в России часто напоминают хорошо известную апорию о стреле, которая движется вперед, но при этом остается на месте. Также и гражданское общество в России, с одной стороны, находится в своем стабильном состоянии — неопределенности в пространстве частно-государственных отношений, несовершенства взаимодействия государства с третьим сектором и структурами гражданской самоорганизации.

С другой стороны, год от года неизменно растет число зарегистрированных российских НКО, изменяются законодательные

рамки работы негосударственного сектора, меняется отношение граждан к возможности самоорганизации. И если смотреть на состояние гражданского общества с формальных позиций, сводя его оценку к количеству зарегистрированных в стране НКО или к индексам развития гражданского общества и свободы, оно развивается вполне устойчиво.

Например, по данным Общественной палаты, ссылающейся в свою очередь на Минюст, по состоянию на декабрь 2012 г. в РФ было зарегистрировано свыше 400 тыс. НКО (в 2011 г. – 380 тыс.) [Доклад о состоянии гражданского общества... 2013]. Директор Центра исследований гражданского общества при ГУ ВШЭ И. Мерсиянова оценивает рост числа НКО в период 2008-2009 гг. в 2% (с 655,4 тыс. до 669,9 тыс.) [Статистический портрет... 2010]. По шкале проекта «Индекс развития гражданского общества» (CIVICUS) Россия хотя и находится лишь на 75 месте в «рейтинге создания благоприятной среды для НКО», тем не менее опережает Казахстан, Азербайджан и Узбекистан. Согласно данным проекта «Индекс устойчивости неправительственных организаций Центральной и Восточной Европы и Евразии» (USAID) индекс устойчивости НКО в России в 2011 г. составил 4,4. Таким образом, уровень устойчивости НКО в РФ выше, чем в Азербайджане и Таджикистане (4,7), Туркменистане (5,6), Узбекистане (5,7), Белоруссии (5,9). Интересно, что российский индекс стабильности НКО практически неизменен уже пятнадцать лет: если на пике «демократических реформ» индекс НКО составлял 3,4 балла, то с 1999 этот показатель сократился лишь на 0,3 балла (с 4,1 до 4,4 в 2011 г.) [Индекс устойчивости организаций].

То есть по формальным показателям, оценивая состояние гражданского общества в России, можно отметить его определенную стабильность и далеко не критическое положение. Но если обратиться к данным социологических опросов, окажется, что деятельность НКО мало известна россиянам. По данным доклада Центра политических технологий лишь 14,8% россиян были осведомлены о существовании НКО и только 9% участвовали в деятельности НКО [Доклад ЦПТ... 2013]. Группа ЦИРКОН приводит схожие данные: в сентябре 2012 г. об НКО что-то знали 53% опрошенных, но лишь 12% были действительно компетентны в вопросе деятельности НКО и только 6% лично сталкивались с их деятельностью [Мойсов, Шубина 2012: 8]. Иными словами, если принимать за индикатор развития гражданского общества компетентность в вопросе НКО, россиянам мало что известно по этому

вопросу. При таком подходе получается, что гражданское общество в России развивается и существует автономно от своих граждан.

Такая ситуация, характеризующаяся, с одной стороны, формально высоким показателем деятельности НКО как одного из основных маркеров развития гражданского общества в России, а с другой – низкой информированностью о вовлеченности граждан в деятельность НКО, заставляет задаться вопросом о нормативных рамках определения гражданского общества. Формальный подход к определению гражданского общества, предполагающий ориентацию на учет количества НКО и негосударственных инициатив, оправдывает себя за рубежом, но вряд ли применим в России. Надо полагать, что предложенное в 2013 г. в докладе Центра политических технологий «Гражданское общество – ресурс развития России» определение гражданского общества через геллнеровскую нормативную рамку «совокупности институтов, союзов и ассоциаций...» [Геллнер 2004: 112] применимо в западных демократиях, но «не работает» в российской действительности.

Похоже, что в России, в отличие от зарубежной традиции, невозможно свести гражданское общество к некоммерческим организациям и институтам третьего сектора. Возможно, из-за низкого уровня развития горизонтальных связей, возможно, в виду отсутствия традиции институционализированной общественной солидарности. Не последнюю роль играет низкое межличностное доверие, как и почти полное отсутствие доверия институтам государства. Алексей Левинсон, например, низкий уровень доверия граждан институтам государства и власти считает производным от несостоявшегося в России общественного договора между гражданами и властью. Причину этого А. Левинсон видит в признании властью прав субъектности только за собой, и, таким образом, полном исключении возможности диалога с гражданами [Левинсон 2013: 30].

Важно и то, что для российской действительности, в отличие от западных моделей, нельзя считать завершенным такой важный этап становления гражданского общества, как разделение и автономизацию сфер экономики и политики.

В этом смысле попытка посмотреть на состояние гражданского общества в России с позиции оценки возможности и пространства самоорганизации достаточно интересна. Если смотреть на ситуацию с российским гражданским обществом не через призму учета формально отделенных от государства инициативных организаций, а через

пространство свободы и самоопределения, необходимо взять в качестве нормативной рамки определение гражданского общества Дж. Коэн и Э. Арато. Они определяют гражданское общество как сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую из сфер наиболее близкого общения (семьи) и различных форм публичной коммуникации [Арато, Коэн 2003: 7]. То есть гражданское общество понимается ими как своеобразный контекст, дискурс свободы коммуникации.

Такой коммуникативный подход фактически повторяет идею Ю. Хабермаса о том, что главная ценность негосударственных и не-экономических объединений как ядра гражданского общества состоит в формировании коммуникационных структур [Habermas 1996: 366-367]. Задача институций гражданской самоорганизации не сводится к экстенсивному воспроизводству своих структур, но понимается как создание пространства социальной коммуникации. Гражданское общество по Хабермасу – это пространство между сферами «жизненного мира» (die Lebenswelt) и системой (и соответственно, политической и экономической подсистемами).

Продолжая коммуникативную логику определения гражданского общества, нельзя не вспомнить идею дифференциации социальной системы Никласа Лумана [Антоновский 2009]. Дифференцируясь, социальная система создает автономные подсистемы (политики, экономики), в которых, в свою очередь, происходит уже внутренняя дифференциация, приводя к внутренней коммуникации по наиболее значимым поводам (медиум по Луману) и дальнейшей эволюции. Скажем, в политической подсистеме медиумом коммуникации становится власть, и только внутренняя дифференциация политической подсистемы (на носителей власти и оппозиции, идейных конкурентов или партийное многообразие, на управляющих и управляемых) делает возможной коммуникацию и дальнейшую эволюцию. Справедливости ради надо отметить, что для Н. Лумана, в отличие от Т. Парсонса, идея внутренней дифференциации не была возведена в принцип, поскольку любая внутренняя дифференциация подсистемы все же являлась фактором угрозы автономии социальной системы в целом [Луман 2006]. Более того, в логике Н. Лумана идея народного самоуправления не совместима с контекстом автономии политической подсистемы. И хотя Н. Луман прямо не пишет о гражданском обществе как о составляющей аутопойезиса социальной системы, его идея дифференциации социальной

системы полностью тождественно идее демократии как предпосылки обратной связи (die Rückwirkungen) и коммуникации.

Лумановская концепция дифференциации созвучна идее Дж. Коэна и Э. Арато о том, что гражданское общество представляет собою разновидность утопии – утопию «самоограничения» [Арато, Коэн 2003: 10]. Самоограничение понимается как, с одной стороны, автономизация политической, экономической и гражданской сфер. А с другой, как сложная система гражданских, социальных и политических прав, обусловленных современной дифференциацией общества. И гражданское общество таким образом является некоторым контекстом, индикатором пространства свободы – как свободы самоопределения, так и свободы коммуникации различных социальных подсистем.

Можно ли говорить о том, что в России сложилось гражданское общество как пространство коммуникации между социальными подсистемами, политической сферой и пространством гражданской самоорганизации и свободы? Дать ответ на этот вопрос непросто. С одной стороны, по формальным показателям (о недостоверности которых уже говорилось выше) уровень гражданской свободы в России и пространство индивидуального самоопределения достаточно обширно. По опросам общественного мнения, большинство россиян не видят особых препятствий для свободного выражения своих политических взглядов: 32% респондентов оценивают имеющиеся для этого возможности как «хорошие», 59% как «удовлетворительные», и лишь 8% как «плохие» [Петухов, Бараш 2012: 48]. Схожие данные приводит ВЦИОМ. Оценивая предпосылки гражданской самоорганизации в современной России, 22% респондентов положительно оценили возможность граждан на выражение собственного мнения, 43% назвали уровень свободы словом удовлетворительным и лишь 17% признались, что дела с возможностью выражать свое мнение в России плохи [Львов, Баскакова 2010]. То есть никакого алармизма в оценке возможностей гражданской самоорганизации в России нет. Медианный избиратель вполне удовлетворен теми возможностями представительства, которые ему предоставляет современная российская власть, и чрезмерного вмешательства в частную сферу он не фиксирует.

Однако, если взглянуть на ситуацию передачи власти в сентябре 2011 г. Д. Медведевым В. Путину, как на замыкание сферы политического на саму себя, как на демонстрацию отсутствия внутренней дифференцированности политической системы, исключение

коммуникации с гражданской самоорганизацией из сферы принятия социально значимых решение, можно делать обратные выводы о дефиците диалога властной системы и гражданской самоорганизации. Автономная «передача власти» в рамках политической системы и последовавший всплеск недовольства результатами выборов в российский Парламент в 2011 г. вызвали к жизни массовый протест, замешанный именно на недовольстве полным исключением граждан из сферы принятия политически значимых решений и отсутствии со стороны власти попыток коммуницирования с гражданами. Длительное отсутствие губернаторских выборов, института многопартийности и откровенная закрытость властной системы (когда тасуется и в разной последовательности раскладывается одна и та же колода политических карт), выделенное положение церкви в регулировании вопросов общественное морали и отсутствие зрелой системы политической конкуренции – индикаторы скудной коммуникации социальной системы. Как пишет А.Ю. Антоновский, современное российское общество организуется посредством введения коммуникативных запретов, т.е. запретов на обсуждение актуальных тем и предметов [Антоновский 2012]. И в коммуникативном измерении легитимное пространство гражданской свободы и самоорганизации, как атрибут социальной системы, отсутствует.

Продолжая логику рассмотрения актуального состояния гражданского общества в России через призму протестной активности, необходимо обратиться к теоретическим рассуждениям о гражданском обществе Б. Капустина. В системе корпуса методологических рассуждений Б. Капустина о гражданском обществе особенно обращают на себя внимание два момента. Первый важный аспект складывания гражданского общества в интерпретации Б. Капустина состоит в необходимости понимания гражданского общества не через совокупность формальных институций, но как событие [Капустин 2011]. Второй важный аспект интерпретации гражданского общества Б.Г. Капустиним состоит в определении гражданского общества как пространства и события воссоединения буржуа и гражданина для достижения коллективно значимых целей [Капустин 2012].

И «вписав» в капустинскую методологическую рамку гражданского общества как события протест «рассерженных горожан» 2011-2013 гг., надо признать, что митинговая активность и весь антивластный дискурс стал не просто всплеском активности креативного класса, но событием

консолидации этого самого гражданского общества. Ведь если митинги, к примеру, 2004 г. были «бунтом» пенсионеров и льготников, то в зимой 2011 г. «передовым отрядом» протеста стали хорошо обеспеченные молодые жители крупных городов. И вместе с протестной волной возросла доля тех самых горожан, что ощутили в себе потребность стать полноценными правосубъектными гражданами. Так, по данным Института социологии РАН, в 2012 г. чаще других о необходимости бороться за свои права заявляли самые молодые россияне (66% в возрасте 16–25 лет), а также представители среднего класса (71% тех, кто оценили свое материальное положение как хорошее). Кроме того, возможность защиты своих прав чаще других для себя рассматривал наиболее образованные (с двумя высшими образованиями и ученой степенью) (57%) граждане.

Эти молодые, экономически состоявшиеся, образованные протестующие горожане по сути своей и есть те самые бургеры, обеспеченные горожане, из добровольного солидарного действия которых должно было выстраиваться традиционное гегелевское *Bürgerliche Gesellschaft*. И протест 2011–2013 гг. стал стартовой точкой рождения гражданина из буржуа. Ведь в отличие от «голодных бунтов» в моногородах или против монетизации льгот, «Белый протест» был выстроен вокруг ценностной проблематики — коммуникационной замкнутости и косности властной системы. «Выборный сезон» 2011–2012 гг. в России не только пробудил широкое протестное движение, но и остро проблематизировал вопрос о ценностно-идейной ориентации и единстве российского общества. Протест артикулировал запрос на гражданское участие, гражданский контроль и ценности репрезентативной демократии (неслучайно одним из наиболее популярных лозунгов стала поствыборное «Вы нас даже не представляете»). Кроме того, солидарный протест продемонстрировал возможность коллективной самоорганизации для отстаивания ценностных идеалов.

И с позиции определения гражданского общества как события и рождения гражданина из буржуа/горожанина гражданское общество в России состоялось. Более того, складывание гражданского общества как *Gesellschaft*, добровольной целенаправленной коммуникации индивидов продолжается в целом ряде пост-протестных инициативах — скажем, в движении наблюдателей, активном парт-строительстве и развитии институтов гражданского контроля за сферой ЖКХ и труда.

Говоря о российском гражданском обществе надо отметить, что гражданская самоорганизация в России имеет несколько специфических черт. Во-первых, в отличие от зарубежной традиции, российское гражданское общество в чрезвычайной степени вовлечено в сферу политического. Более того, гражданское общество в России традиционно вступает в конкуренцию с бюрократическим аппаратом и государством по вопросу «политического». И именно из-за вовлеченности в сферу политического гражданскому обществу в России часто приписываются атрибуты оппозиционности. И не только властью, которая видит в гражданском обществе реального противника – заведомо ограничивая «поле игры» для включенных в политическую деятельность НКО (как, например, выведение из «игры в политическое» Ассоциации «Голос») или квалифицируя механизмы гражданского контроля (к пример, движение наблюдателей на выборах) как оппозиционные. Атрибуты политического действия приписывает атрибутам гражданской самоорганизации и общественное мнение: так, по данным опроса «Левада-центра», россияне считают «политическим» очень многое из той деятельности, которой занимаются НКО. Очень многие россияне приписывают политический смысл практически всем инициативам гражданской самоорганизации – это не только наблюдение на выборах (71%), «контроль над органами власти» (69%), но и «обсуждение законов и решений» (61%) и правозащитная деятельность (47%) [Доклад ЦПТ... 2013].

У такой «политической акцентуации» российского гражданского общества есть свои исторические причины. Ведь современное гражданское общество прямо наследует традиции диссидентства, кроме того оно в значительной степени «выросло» из ориентации на антитоталитаристские движения гражданской солидарности (в первую очередь, на польскую «Солидарность»). Немаловажным аспектом гражданской самоорганизации в России явилось то, что долгие годы единственным пространством свободной от тоталитарного контроля общественной коммуникации были (как ни банально это звучит) советские кухни, где и рождался советский антитоталитаристский либеральный дискурс.

За вторжение в сферу политического власть воздаст российскому гражданскому обществу сторицей – к примеру, изменением законодательства в сфере НКО в 2006-2009 гг., заметно ограничившим свободу негосударственных организаций в сфере политики. Закон об

иностранных агентах стал еще одним индикатором конкуренции государства и гражданского общества по вопросу политического.

Вторая специфическая черта российского гражданского общества — его не системный, вернее не систематический характер. Если отказаться от формальной количественной стратегии определения гражданского общества через НКО, необходимо заключить, что коллективная солидарность в России проявляет себя не через сеть «воспроизводящихся» регулярных организаций, но через спорадические инициативы. Прежде всего, через рождение и инициативы движений одного требования — это и движение автомобилистов, и движение «синих ведерок», это и движение обманутых вкладчиков и движение защитников Химкинского леса, проекты «Роспил» и «Росяма». Интересно, что из лидеров таких спорадических движений «одного требования», ориентированных на конкретный локальный результат, часто вырастают серьезные политические фигуры — вспомним А. Навального, который «стартовал» как активный миноритарный вкладчик банка ВТБ, Е. Чирикова, превратившаяся из лидеров защитников Химкинского леса в яркую фигуру антивластной фронды, или основатель социально ориентированной по своей сути организации «Город без наркотиков» Е. Ройзман, избранный мэром Екатеринбурга.

Третья специфическая черта российского гражданского общества состоит в том, что гражданское общество и российская власть традиционно оказываются в отношениях противоположных полюсов магнитов. Чем ближе гражданское общество приближается к бюрократическим структурам — к примеру, в формате инициатив по контролю за госзакупками, тем большее отторжение и неприятие со стороны государства испытывает (закон об иностранных агентах). И, напротив, грантовая поддержка государством НКО вызывает у представителей гражданского общества скепсис. Тогда как исключение структур социальной самоорганизации из коммуникации по значимым вопросам развития социальной системы вызывает бурную дискуссию и протест гражданского общества. Ведь все мы видим, какую бурную негативную реакцию гражданского общества на «благие инициативы» по реформированию сферы науки в виде вероломной «реформы» РАН, проводимой без привлечения к обсуждению ученых и гражданских активистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антоновский А.Ю. (и др.) Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20. № 2.

Антоновский А.Ю. От интеграции к информации. К коммуникативным трансформациям в России // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2012. № 3.

Арато Э., Коэн Дж. "Гражданское общество и политическая теория". Весь Мир. 2003.

Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политологических исследований. 2004.

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год [электронный ресурс] / Общественная палата Российской Федерации; руководитель Е.П.Велихов. М. 2013. Режим доступа: http://www.oprf.ru/files/doklad_grazdanskoe_obshestvo.pdf.

Доклад ЦПТ: Гражданское общество - ресурс развития России. Центр политических технологий. 2013. Режим доступа: <http://komitetgi.ru/analytics/863/#.UkcHtIZT5qk>

Индекс устойчивости организаций гражданского общества (ОГО) - Россия, 2012, выпуск 15, USAID. Режим доступа: <http://www.cafrussia.ru/files/blocks/russia6-25.pdf>

Капустин Б.Г. «Гражданское общество: исчезающая реальность» (стенограмма доклада). Режим доступа: http://www.ccisru.org/books/No.2_Kapustin.pdf

Левинсон, А. Российское общество до и после 2012 года / А. Левинсон // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. №1 (114).

Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006.

Львов С.В., Баскакова Ю.М. Индекс свободы слова в российских регионах // // Мониторинг общественного мнения 2010, №3.

Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество // Политико-философский ежегодник, М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011. Режим доступа: http://www.ccisru.org/books/Grazhdanstvo_i_grazhdanskoe_obshestvo.Kriticheskoe_vvedenie..pdf

Капустин Б.Г. «Гражданское общество: исчезающая реальность» (стенограмма доклада). Центра изучения проблем гражданства и идентичности. 2012. Режим доступа: http://www.ccisru.org/books/No.2_Kapustin.pdf

Мойсов В., Шубина Л. Отношение россиян к ужесточению закона о некоммерческих организациях. Исследовательская группа «Циркон». 2012. Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/1fb/Otnoshenie_rossijan_k_uzhestocheniju_zakona_ob_NKO.pdf

Петухов В. В., Бараш Р. Э. Хотят ли россияне демократию, и, если хотят, то какую? // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2012 сентябрь-октябрь. №. 5 (111).

Статистический портрет некоммерческого сектора России // Экспертный портал Высшей школы экономики. 2010. Режим доступа: <http://opes.ru/1320628.html>